

ФРУСТРАЦИЯ В ДРАМЕ КАК ИНДИКАТОР ЗАКАТА ЕВРОПЕЙСКОЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

О.Л. Познякова, к.ф.н., доцент,
Белорусский государственный медицинский университет,
г. Минск, Республика Беларусь

В гуманистической традиции драма, как и искусство в целом, всегда была призвана возвеличивать достоинство человека, утверждать и передавать из поколения в поколение общечеловеческие ценности. На высоко художественном уровне драматурги стремились нравственно очистить душу зрителя, позволить ему выйти за пределы обыденности, глубже понять свое человеческое предназначение и ощутить тем самым свою человеческую сущность.

С середины XX века, когда катарсис подменили фрустрацией, драма утрачивает свой первоначальный смысл, а вместе с тем дискредитируется сформулированный в античной Греции принцип антропоцентризма, согласно которому человек есть центр Вселенной, цель всех свершающихся в мире событий.

В докладе предпринимается попытка рассмотреть феномен деонтологизации драмы в современном мире как индикатор заката европейской гуманистической традиции.

Обыкновенно драматурги старались изображать своих главных героев людьми достойными, неизменно следуя наставлению Аристотеля «...не следует: ни чтобы достойные люди являлись переходящими от счастья к несчастью, так как это не страшно и не жалко, а только возмутительно; ни чтобы дурные люди переходили от несчастья к счастью, ибо это уж всего более чуждо трагедии, так как не включает ничего, что нужно, – ни человеколюбия, ни сострадания, ни страха; ни чтобы слишком дурной человек переходил от счастья к несчастью, ибо такой склад хоть и включал бы человеколюбие, но не [включал бы] ни сострадания, ни страха, ибо сострадание бывает лишь к незаслуженно страдающему, а страх за подобного себе, стало быть, такое событие не вызовет ни сострадания, ни страха» [1, с. 658]. Персонажи классических драматических произведений бросали вызов судьбе, раскрывая при этом свои нравственные качества. Как утверждает Цицерон, «красота – это прежде всего то, что достойно почета или высокой чести, что поражает и удивляет человека своим возвышенным и всегда *благонамеренным* характером» [2, с. 98]. И даже если герою суждено было погибнуть, – дело его продолжало жить в памяти и сердцах его друзей и единомышленников.

Возрожденческие установки по поводу искусства и общественного блага проявлялись через глубочайший интерес творца к человеку и его переживаниям, проблеме личности и общества, прославление красоты человека, обостренное восприятие поэзии земного мира. Как и гуманизму – идеологии Ренессанса, литературе Возрождения было присуще стремление откликнуться на все актуальные вопросы человеческого бытия, а также обращение к национальному историческому и легендарному прошлому. Отсюда невиданный со времен античности расцвет лирической поэзии и создание новых поэтических форм, а впоследствии подъем драматургии.

Пожалуй, первым «вывихом», возникшим в данной парадигме на протяжении всей истории развития драмы и приведшим в XX веке к философии экзистенциализма, стало декадентство. Характерными чертами декадентства обычно считаются субъективизм, индивидуализм, аморализм, отход от общечеловеческой, *taedium vitae* и т. п., что проявляется

в искусстве соответствующей тематикой, отрывом от реальности, поэтикой искусства для искусства, эстетизмом, падением ценности содержания, преобладанием формы, технических ухищрений, внешних эффектов.

С появлением экзистенциализма в XX веке понимание драмы было подвергнуто существенным изменениям. По словам самого Ж.-П. Сартра, один из главных упреков в адрес их творчества можно сформулировать следующим образом: «Как можно делать героями столь дряблых людей?» [3, с. 322]. Здесь главный герой становится игрушкой в руках судьбы, жалким, ничтожным, растерянным, поставленным к стене существом, жертвой субъективизма и абсурда. От него уже ничего не зависит, грани морали и общественного блага как конечная цель всех видов человеческой деятельности постепенно размываются и в конце концов становятся неопределенными, поскольку принимают крайнюю форму субъективизма, что само по себе уже отрицает понятие общественного. Позднее, в эпоху постмодерна субъективизм в драме и в искусстве в целом усиливается, зрителя начинают убеждать в ценности эпатажных проявлений как выражения полной художественной свободы личности (например, театр абсурда). Эпатажные произведения становятся модными, у людей формируется соответствующий вкус, абсолютные ценности становятся относительными, в том числе и обесценивается человеческая жизнь. Если в рамках гуманистической традиции человек осмысливался как творческое начало и активный субъект, то теперь он превратился в жалкое, безвольное, с фрустрированным сознанием существо.

Постепенно катарсис как нравственное очищение через сострадание перестает выполнять свою ключевую функцию, на его место приходит жесткий эпатаж и фрустрация, призванные причинить боль, оскорбить, обидеть, унижить, *ударить по достоинству человека*. В таких условиях индивид теряет веру в себя самого, как бы впадает в сомнамбулическое состояние и никакой иной роли, кроме как быть успешным потребителем и функционером он исполнить уже не способен. Главной целью человеческого бытия становятся деньги, честь обменивается на бесчестье, правда – на ложь, люди становятся средством для достижения политического и экономического благополучия «элит».

Иными словами, превращая достоинство человека в мишень для поражения, фрустрационная драма препятствует дальнейшему развитию идеалов и ценностей гуманизма, и позволяет говорить о закате европейской гуманистической традиции в целом.

Список использованных источников

1. Аристотель. Поэтика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М., 1975–1983. – Т. 4. – 1983. – С. 645-681.
2. Лосев, А. Ф. Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н. э. / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во Моск . гос. ун-та, 1979. – 416 с.
3. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов : сборник / Ф. Ницше [и др.] ; сост. А. А. Яковлева. – М., 1989. – С. 319–344.